



ЖИЗНЬ Николая Корнейчука (19 (31) марта 1882 — 28 октября 1969), впоследствии — Корней Иванович Чукovsky, "дедушки Корнея", классика из классиков советской детской литературы, выдалась и долго, и чрезвычайно плодотворной.

Как говорил Антуан де Сент-Экзюпери, все мы родом из детства. А в детстве каждого из наших соотечественников и сограждан, воспитанных в русской культуре и на русском языке, обязательно присутствовали стихи Чукovsky: "Краденое солнце", "Тараканище", "Мойдодыр", "Муха-цокотуха", "Телефон", "Путаница", "Айболит"...

*Добрый доктор Айболит!
Он под деревом сидит.
Приходи к нему лечиться
И корова, и волчица,
И жучок, и червячок,
И медведица!
Всех излечит, исцелит
Добрый доктор Айболит!*

Что за дерево? То ли Чудо-дерево, на котором растут не листочки-цветочки, "а чулки да башмаки, словно яблоки"? Нет, конечно! Не под это дерево материального изобилия усаживает "дедушка Корней" своего Айболита, а под иное, описанное Пушкиным в Прологе к "Руслану и Людмиле":

*У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём, и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом...*

"Многие знания — многие печали. А от печалей — многие болезни". Подразумевает ли это, что и "кот учёный" мог быть среди пациентов доктора Айболита, который, собственно, судя по описанию его занятий, даже не доктор, а ветеринар? Почему бы и нет?

Да потому и нет, что знания пушкинского кота беспечальны, они не из этого вещного и должного мира, но из мира вечного и горного:

*Идёт направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит...*

Его не надо лечить и учить — он сказочно здоров и всезнающ. Учёного учить —

До сих пор от кого угодно в самых разных ситуациях можно услышать:

*Ох, нелёкая это работа —
Из болота
Тащить бегемота!* ("Телефон")

*Неужели
В самом деле
Все качели
Погорели?* ("Телефон")

*— Да пудов этак пять
Или шесть:
Больше ему не съесть,
Он у меня ещё маленький!* ("Телефон")

*А лисички
Взяли слепичи,
К морю синему пошли,
Море синее зажали* ("Путаница")

*Маленькие дети!
Ни за что на свете
Не ходите в Африку,
в Африку гулять* ("Бармалей")

*"Как я рад, как я рад,
Что поеду в Ленинград!"* ("Бармалей")

*Волки от испуга
Скушали друг друга* ("Тараканище")

*"Мы врага бы
На рога,
Только шкура дорога,
И рога нынче тоже
не дешёвы"* ("Тараканище")

*Бараны,
Бараны
Стучат в барабаны* ("Тараканище")

*Испугался коза,
Распопырила глаза* ("Федорино горе")

И это лишь самые "расхожие" строки, список подобных цитат можно увеличить в несколько раз.

КОРНЕЙ И ДЕТИ

К 140-летию автора «Айболита»

только портить, а здорового лечить — только гробить.

Но то, что Чукovsky удалось устроить своего доктора Айболита под пушкинским дубом — лучшее свидетельство его незаурядного таланта. Как и "почти пушкинские" "почти народные" строки из "Мухи-цокотухи":

*А теперь, душа-девица,
На тебе хочу жениться...*

"Муха-цокотуха" не просто "сказка для детей" — это, прежде всего, "сказка наоборот". В центре авторского повествования — вовсе не Комарик, победитель Паука и спаситель Мухи, пусть даже пародийный, но аналог Ивана-дурака/Ивана-царевича, а его "суженая", тоже не Прекрасная и Премудрая царевна, но третьестепенный и малоинтересный для народной сказочной иерархии персонаж, аналог "купеческой дочери", достающейся, как правило, среднему сыну: "позолоченное брюшко", которая "денежку нашла", купила самовар и — добрая душа, вот этого не отнять — "закатила пир на весь мир". Правда, мир не крещёный, поскольку насекомый (вообще, интерес к миру насекомых в 1910-е — 1920-е годы, в эпоху атеизма и оккультизма, именуюмую "серебряным веком", был максимально высок, и даже революция трактовалась в духе строительства общества, соответствующего социальным инстинктам homo sapiens, всемирного "человеиника"). Хотя ещё Чехов предупреждал устами одного из своих персонажей: "Ты, Каштанка, существо насекомое, и супротив человека ты всё равно, что плотник супротив столера" (цитата не вполне аутентична, но сути чеховской мысли ничуть не искажает).

Многие строки Чукovsky намертво "въелись" в наше нормативное общение.

Одно из клише советской пропаганды и агитации гласило: "В СССР есть только один привилегированный класс — дети", которое по мере формирования бесклассового общества преобразовалось в более общий лозунг: "Всё лучше — детям". В том числе это касалось и литературы, в которой постепенно сформировался свой "цех детской поэзии", высшими мастерами которого были признаны Корней Чукovsky, Самуил Маршак, Агния Барто и Сергей Михалков (автор "Дяди Стёпы" и трёх последовательных вариантов текста нашего государственного гимна).

При этом сам Чукovsky к своему поэтическому творчеству относился не слишком серьёзно и ставил его невысоко — свидетельством тому его известные слова: "Все другие мои сочинения до такой степени заслонены моими детскими сказками, что в представлении многих читателей я, кроме "Мойдодыров" и "Мух-цокотух", вообще ничего не писал..." Нет, конечно, писал, и до революции стал известен как очень выведливый и пристрастный критик и литературовед, не дававший спуску — с упором на несоответствие заявленных ценностей и реального поведения в жизни — ни современным ему кумирам "серебряного века", ни кумирам прошлого, включая "певца горя народного" Н.А. Некрасова.

Изначально эти строки предназначались "для внутреннего употребления": Чукovsky, всегда живший с печатью незаконнорожденности и "безотцовщины", долгие годы носивший фамилию матери, старался дать своим детям всё, чего сам был лишён. Даже несмотря на то, что пользовался покровительством своих еврейских родственников по отцовской линии, был другом детства одного из отцов-основателей современного сионизма и государства Израиль Владимира (Зеева) Жаботинского, который стал поручи-

телем Николая Корнейчука на свадьбе и содействовал отправке молодой семьи жить и работать в Англию, откуда будущий классик вернулся в 1904 году и быстро — транзитом из Одессы в Петербург — стал одной из молодых звёзд столичной художественной богемы. Интересно, что аналогичную поездку, только десятилетием позже, в 1912–1914 годах, совершил ещё один классик советской детской литературы Самуил Яковлевич Маршак. Оба были восхищены "старой доброй Англией" и активно работали над переводами лучших произведений англоязычной литературы и английского фольклора. В личном "активе" Чукovsky не только "Доктор Айболит" ("Доктор Дулитл" Хью Лэфтинга), но и сказка "Джек — покоритель великанов", "Робинзон Крузо" Даниэля Дефо, "Проклячения Тома Сойера", "Принц и нищий" Марка Твена, "Листья травы" Уолта Уитмена — всего более десяти крупных и значимых переводов высокого качества в стихах и прозе.

Дети Чукovsky — отдельная тема: настолько разными оказались их судьбы, их жизненные и творческие позиции. Самая младшая и самая любимая отцом, Мурочка (1920–1931), рано скончалась от тяжёлого туберкулёза; Борис (1910–1941) стал инженером, в 1941 году пошёл добровольцем на фронт и погиб под Вязьмой, защищая Москву; Николай (1904–1965) стал достаточно известным писателем, прошёл Финскую и Великую Отечественную войны, Лидия (1907–1996) единственная пережила своего отца, издала 15-томное собрание его сочинений (далеко не полное, поскольку Чукovsky "пахал" днём и ночью, в режиме "многостаночника"), являлась видной активисткой диссидентского движения. Может быть, яблоки от яблоньки и недалеко падают, но разлетаются в очень разные стороны...

Так вот, детские стихи Корнея Ивановича, в которых чрезвычайно сильны "англофильские" абсурдистские нотки, наряду с переводами произведений англоязычных авторов (за которые Чукovsky же в 1962 году получил степень доктора honoris causa (в честь заслуг) Оксфордского университета по литературе — редкая честь для иностранного автора, особенно русскоязычного), оказались жизненно важной отдушиной в его не слишком простых отношениях с советской властью как критика и литературоведа. Как известно, дело доходило до разгромной статьи Н.М. Крупской и вынужденного публично, через печать, покаяния Чукovsky с отречением от написанных им сказок и обещанием "исправиться". Но Крупская вскоре скончалась, а Сталин, который по многим вопросам со вдовой Ленина расходился, начал не только чистку "старых большевиков" из ленинской гвардии, но и возвращение "прав гражданства" в советское общество и в системе образования русской культуре, в том числе сказкам, народным и литературным.

С тех пор стихотворные "сказки" Чукovsky переиздавались и переиздаются миллионными тиражами, по ним созданы мультфильмы и киноленты, ставятся спектакли, выпускаются детские игрушки. Образы Доктора Айболита, Бармалея, Мойдодыра и других героев "дедушки Корнея" стали неотъемлемой частью отечественной культуры, именами нарицательными.

Возможно, всё это — на грани, а порою даже за гранью культурного китча ("Китч (кич) (нем. Kitsch) — безвкусная массовая продукция, рассчитанная на внешний эффект" — Большая Советская Энциклопедия), да и сам литературный псевдоним Николая Корнейчука, Корней Иванович Чукovsky, в сокращении выглядит как "К.И.Ч." — случайное совпадение, конечно. Но для детей и про детей — всё немного иначе (как предельно серьёзные и важные исследования Чукovsky детской психологии и детского словесного творчества, отражённые в его книге "От двух до пяти")...

Такими несповедимыми путями кич превращается в Искусство с большой буквы. В случае творчества Корнея Чукovsky это неоспоримый факт.

Георгий СУДОВЦЕВ

На фото: портретный снимок К.И. Чукovsky, сделанный в 1934 году

ТАРАКАНИЙ БЕГА

*Бессмысленные перемещения
российской «элиты»*

*"Цель саятая. Отовою
мы слышим стоны. Со всех
концов нашей обширной
страны зывают о помощи".
Из речи Остапа Бендера*

ОТОВОДУ НЕ СУСЕТСЯ вопли и сопли: Россия теряет свою элиту! Разбегаются умы, расползаются таланты, удирает совесть и смывается интеллигенция. Если она смыается, то это либо 1) не интеллигенция, либо 2) какая-то велими богатая интеллигенция, а потому см. п.1. Кречатает лозунг: "Мелеет благородный слой!", Москва процветает с элитой, остаются 86 запутинских процен-тов. "Нет, ребята, всё не так, всё не так, ребята!" — как пел всенародный бард Вольда Высоцкий.

Рвут котги всякие горе-предприниматели, их обколотые коллагеном и гиалуроновой кислотой жёны, айфон-мажорчики, напуганные, что их могут выдернуть из карамельно-шоколадной нирваны; бегут убогие "звёзды", все годы напоминавшие о себе не творчеством, а скандалами; улетают блогеры и крутобёрдые инста-девушки мотылькового поведения. Сливаются болтунники, именующие себя кинокритиками. А вот у "мозгов" — иные заботы. У них и долларов нет — в России не сработал принцип: "Если ты такой умный, почему такой бедный?" Чисто американская формула не встраивается и в европейский менталитет.

Даже если бы "мозги" хотели продолжить свою работу над книгой по эстетике кватроченто на родине этого самого кватроченто, они бы не смогли потянуть резкий рынок на Запад. Трёшка в Новогореве и дачные сотки в Жаворонках — это не то, с чем едут в заграницу.

Да. "Мозги" чаще всего изучали кватроченто не во Флоренции, где "благородный слой" скупал баракло да цацки, а по книгам. Так что самоназначенная недоэлитка, состоящая из (простите) задницы, а никак не умов, бежит, роняя ролеक्स, айфоны и лабутены. Катати, о лабутенах! Нет, о Сергее Шнурове, который в 2016 году случайно распиарил те барские туфельки.

НЕДАВНО "ЛЕНИНГРАДЦЫ" выступили новым клип с животрепещущим названием "Прощай, элита!" Я понимаю, Шнур в очередной раз ляпнул свою бывшую приятельницу Ксению Собчак — по ней он жестоко прошёлся ещё накануне событий. Я не считаю, что любимец офисного "пролетариата" Сергей Шнуров приличен. Он, как сказал Хлестаков об одной из уездных рож: "В сильнейшей степени моветон". Однако же талантлив. Шнур — явление, хотя и малоприятное.

Итак, что же прозвучало? "Творческий и креативный люд / В панике за жизнь, какой уж нет / Оторвавшись от винца и блюд, / Плчутся о судьбах в интернет". Всё верно. Драпают не из политического или социокультурного протеста, а потому что своей упьютой точкой (не пятым пунктом, а именно точкой, то есть опять же задницей) ощутили, что выпугивать свои "Гуччи" им

Международный Фонд сплавности и культуры припашает в концертный зал Дома Гоголя на цикл концертных вечеров памяти наших выдающихся современников "БЕЗ СТРАХА И УПРЁКА"	
23 марта (среда)	19.00
Вечер памяти русского патриота, общественного деятеля, писателя и главного редактора газеты "Русский Вестник"	
Алексея Алексеевича СЕНИНА	
Программа вечера: Выступления священников, общественных деятелей, друзей и соратников А.А. Сенина Музыкальное приношение памяти А.А. Сенина: русские романсы, арии из опер, фортепианная классика Выступают лауреаты всероссийских и международных конкурсов	
Ведущая — поэтесса Нина Карташёва	
Адрес: Дом Гоголя, Никитский бульвар, д. 7а (5 минут от ст. м. "Арбатская")	
Телефон: +7(495) 695-75-47	

В ПОИСКАХ ДУШИ

Феноменология поэзии Николая Олейникова

что до конца этот вопрос не прояснён даже для него самого. С одной стороны, мир обаял страданиями, всё живое подвержено им и одинаково ощущает это на каком-то подспудном уровне, не исключено, что и на уровне того, что принято называть душой. С другой — наука, которой тоже склонен доверять поэт (или олейниковский герой-повествователь), "доказала, что души не существует: Что печёнка, кости, сало — вот, что душу образует". Олейников, грубо говоря, пытается найти компромисс между научным и религиозным разумением, что, естественно, не очень-то и получается. Потому что, признавая существование души у любого существа в этом мире, нужно разрешить ещё вопрос её существования в мире загробном. И даже больше — а возможно ли оно вообще, это загробное существование? Если нет, то и решать нечего: душа исчезает бесследно. А если есть? Если есть, то, значит, не исключено, что и душе предстоит там как-то существовать. Причём существовать вне материи. Признать это сиюминутно или даже привыкшему к материалистическому восприятию человеку очень и очень нелегко!

Олейников, правда, пытается описывать некие гипотетические формы загробного существования, но все эти описания имеют сильный крен именно в сторону материализма, а образовывавшаяся точка зрения продиктована вполне земным взглядом на то, что осмысленно посредством этого взгляда не подлечит. Отсюда, очевидно, и страдания героя баллады "Чревоугодие":

<i>Тут я помираю.</i>	
<i>Зарытый, забытый, В земле я лежу, Полной покрытый, От страха дрожу.</i>	
<i>Дрожу оттого я, Что начал я гнить. Но хочется едвое Мне кушать и пить.</i>	
<i>Но нет мне ответа, Скрипнул лишь доска, И в сердце поэта Вползает тоска.</i>	
<i>Но сердце застынет, Увы, навсегда, И желтая хлынет Оттуда вода.</i>	
<i>И мир повернется Другой стороной, И в тело вопьётся Червяк гробовой.</i>	

*Вот ягода падает вниз,
И капля стучит в тишине,
И летя муравьиная бежит близ,
И мухи бормочут во сне.*

*А там, где шумит земляника,
Где шашет укроп-молодец,
Не слышно ни пенья, ни крика —
Лежит равнодушный мертвец.*

Кстати же, почему главный персонаж назван героем? Наверное, потому и назван, что безнадежная данность принимается им стоически, без малейшего ропота. Ещё больший философский подход к собственной кончине мы обнаруживаем у таракана из одноимённого стихотворения:

*Таракан к стеклу прижался
И алждит, едва дыша...
Он бы смерти не боялся,
Если б знал, что есть душа.*

*Но наука доказала,
Что души не существует,
Что печёнка, кости, сало —
Вот что душу образует.*

*Есть лишь только сочленения,
И затем соединения.*

*Против выводов науки
Невозможно устоять.
Таракан, сжимая руки,
Приготовился страдать.*

В отличие от радикализма в этом вопросе зощенковского персонажа Олейников разрешает его более лестно для человека, примерно так: несомненно, душа есть — что у животного, что у насекомого, что у человека, и свойства её примерно одинаковы у них всех (отсюда — непрекращающиеся перекатачки от личностных примет человека к насекомому и даже их смешение), но вопрос в том, как выявить её существовательные функции.

Часто создается впечатление, что Олейников не прочь повторить опыт одного из героев Хармса, который однажды "лёг спать верующим, а проснулся неверующим. По счастью, в комнате этого человека стояли медицинские десятичные весы, и человек этот имел обыкновенные каждый день утром и вечером взвешивать себя. И вот, поужав накануне спать, человек взвесил себя и узнал, что весит 4 пуда 21 фунт. А на другой день утром, встав неверующим, человек взвесил себя опять и узнал, что весит уже всего только 4 пуда 13 фунтов. "Следовательно", — решил этот человек, — "моя вера весила приблизительно восемь фунтов".

Пожоже, Олейников точно таким же методом желал бы точно убедиться в удельном весе души. Но наглядные результаты никак не обретаются, есть лишь ощущение, что душа должна наличествовать, только вот точные факты отнюдь не очевидно обрести невозможно, при том, что они то и дело дают о себе знать.

Поэтомуда же страдания, являющиеся как бы побочным продуктом этих ощущений, в конечном счёте ничего не решают. Если того мира нет, то, по большому счёту всё равно, будет ли клевать курица голубые глазки таракана и будет ли его косточки

сухие поливать дождик: останки-то будут налицо, а присутствует ли душа при этих останках, наблюдает ли она за ними откуда-то сверху — неизвестно. А если нет взгляда сверху, то и лирика некатится. Олейников, между прочим, от неё и отказывается, стихотворение о таракане — одно из немногих в этом смысле исключений. Может быть потому, что страдание, на которое настраивает себя попавший в безвыходное положение таракан, свидетельствует о нечто большем, нежели тоска вследствие пленения стаканом, и даже — чем будущая казнь и следующая за ней смерть: их-то таракан как раз не страшится, страшит его именно безвозвратное исчезновение души.

Что самое интересное, сходная тоска присуца и самому Олейникову, который явно стоит за героем стихотворения "Хвала науке":

*Зовут меня на новые великие дела
Лесной травы разнообразные твела
В траве жуки проводят время
в заманительной беседе.
Спешит кузнечик на своём велосипеде.
Запутавшись в строении цветка,
Бежит по венчику ничтожная мурашка.
Бежит... Бежит...*

*Я выху резвость эту, и меня берёт тоска,
Мне тяжко!*

И вот эта-то тоска уже не вполне объяснима, хотя о её истоках можно догадываться. Может быть, она от осознания неудовлетворённости наблюдаемого мира (вернее — от нехотения его одушевиться в сознании повествователя). Или же, что уже гораздо страшнее, — от осознания собственной неудовлетворённости, не дающей вписаться во всё-таки одушевлённый мир? И — больше: от невозможности вписаться в этот мир вследствие изначального грехопадения какой бы то ни было человеческой особи. Не в последнюю очередь, как это ни странно покажется, из-за наличия отвергаемой наукой рефлекситрующей и, несмотря ни на что, так или иначе стремящейся к Богу души, — тот самый мир, в который без труда, исключительно за счёт инстинктивной органичности, вписываются лишённые души, и, не исключено — тёмного страха перед жизнью, насекомые.

*Так в роце куст стоит,
наполненный движеньем.
В нём чижик водку пьёт, забывши стýд.
В нём бабочка, закрыв глаза,
поёт в самозабвении
И всё стремится и летит.
И я хотел бы стать таким навеж,
Но я не куст, а человек.*

Таково конечное заключение Олейникова. И оно правильное.

Его мир, конечно, беспросветен. Беспросветен не меньше, чем у Зощенко. И всё же, в отличие от последнего, он одушевлён движениями откуда-то изнутри. И не факт, что изнутри душ персонажей. Тогда — из глубины единой души мира, может быть? Из той божественной глубины, которую подсознательно ощущает автор и не без успеха передаёт это ощущение и своим персонажам, и своим читателям.

Виталий ЯРОВОЙ